

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривается криминологическая характеристика личности несовершеннолетних, совершивших имущественные преступления. Проанализированы основные социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические признаки несовершеннолетнего имущественного преступника. В зависимости от мотива, доминировавшего при посягательстве на чужую собственность, и с учетом интенсивности его проявления выделены классификационные группы несовершеннолетних имущественных преступников, дано их краткое описание.

Ключевые слова: личность; несовершеннолетний; имущественное преступление.

Имущественная преступность несовершеннолетних представляет собой социально-правовое относительно массовое явление, слагающееся из совокупности имущественных преступлений (преступлений против собственности), совершенных лицами в возрасте 14–17 лет в тот или иной промежуток времени на определенной территории.

В структуре преступности несовершеннолетних имущественные преступления составляют основной массив – около 79,0%.

Исследование 430 уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных несовершеннолетними, рассмотренных судами Кемеровской области в 2004–2010 гг., показало, что большинство несовершеннолетних имущественных преступников – это юноши (80% от общего числа изученных преступников). Удельный вес девушек среди несовершеннолетних, совершивших имущественные преступления, составил 20%. Среди имущественных преступников мужского пола преобладали юноши в возрасте 17 лет (на их долю пришлось 33%); осужденные в возрасте 16 лет составили 28%; 15- и 14-летние – 19 и 20% соответственно. Среди девушек, осужденных за имущественные преступления, преобладали 17–16-летние (42 и 33% соответственно); на долю 15- и 14-летних пришлось 18 и 7%. При этом нельзя не отметить, что у девушек удельный вес 14-летних почти в три раза ниже, чем у юношей. Как видим, основной массив несовершеннолетних имущественных преступников составили лица старшей возрастной группы.

Отмеченное обстоятельство остается в целом характерным для имущественной преступности несовершеннолетних. Криминологические исследования прошлых лет показали, что в общем числе несовершеннолетних преимущественно преобладали лица старшего возраста (16–17 лет). В 1960–1970-е гг. 16-летних насчитывалось около 35%, 17-летних – 40–45% [1. С. 134]. В 1980–1990-е гг. представители этой возрастной группы составили большую часть несовершеннолетних, осужденных за совершение имущественных преступлений [2. С. 67]. Удельный вес 16–17-летних в первое десятилетие XXI в. составлял более 70% [3. С. 769].

Анализ данных судебной статистики прошлых лет подтверждает также и «монополию» мужского пола при совершении имущественных преступлений – 91% краж (государственного, общественного и личного имущества), свыше 80% грабежей и разбоев совершили именно подростки и юноши [2. С. 66–67]. Вместе с тем в криминологической литературе прошлых лет отмечалась и устойчивая, ярко выраженная тенденция увеличе-

ния доли девушек среди осужденных несовершеннолетних за имущественные преступления. [2. С. 66–67]. Отмеченная особенность характерна и для проведенного исследования: за период с 2004 по 2010 г. почти в 2 раза, с 11,2 до 20%, увеличился удельный вес девушек, осужденных за имущественные преступления.

Следует сказать, что в старшей возрастной группе юношей (16–17 лет) преобладали лица, совершившие имущественные преступления, сопряженные с насилием: разбой (каждое третье преступление), грабеж и вымогательство (21 и 17% соответственно). Для девушек в возрасте 16–17 лет, напротив, характерно совершение имущественных преступлений, не связанных с насилием. Только каждая третья из них была осуждена за насильственные преступления. Юноши 14–15 лет преимущественно совершали ненасильственные имущественные преступления: кражи (42%) и грабеж (38%). Сравнение с данными криминологических исследований 1990-х гг. показало, что на протяжении более чем двадцати лет «приоритеты» имущественной преступности несовершеннолетних не изменились. Насильственные преступления, такие как разбойные нападения и грабежи, были характерны в основном для юношей в возрасте 16–17 лет. Ненасильственные преступления (кражи и грабежи) в каждом третьем случае совершались юношами младшей возрастной группы (35,6%), а также девушками в возрасте 16–17 лет (90%) [Там же. С. 67–68].

Большинство изученных имущественных преступников (78%) проживали с родителями (лицами, их замещающими) в отдельных благоустроенных городских квартирах, 19% – в коммунальных квартирах; 3% изученных преступников не имели постоянного места жительства. В сельской местности несовершеннолетние проживали в отдельных домах на одного хозяина (55%), в домах, конструктивно предназначенных для проживания двух семей (32%); в бараках коммунального типа (13%). Уровень жизни семей, в которых воспитывались несовершеннолетние имущественные преступники, можно охарактеризовать следующим образом: 59,6% семей имели средний уровень жизни; 26,8% – низкий; 7,2% – крайне низкий; 6,4% – высокий. Следует отметить, что уровень жизни семей насильственных несовершеннолетних преступников был заметно ниже: 45,6% семей имели средний уровень жизни, 36,8% – низкий, 12,3% – крайне низкий, 5,3% – высокий [4. С. 85]. Как видим, имущественные преступники, в отличие от насильственных, воспитывались в более благоприятных материально-бытовых условиях; у них значительно выше показатели по среднему (59,6% про-

тив 45,6%) и высокому (6,4% против 5,3%) уровням жизни семей.

Удельный вес несовершеннолетних имущественных преступников, проживавших в условиях неполной (и/или распавшейся) семьи, составил 38%: из них с матерью проживало 79% несовершеннолетних, с отцом – 12%, с ближайшими родственниками (ввиду отсутствия родителей несовершеннолетних и / или лишения их родительских прав) – 9%. С обоими родителями проживало 59% несовершеннолетних. Вне семьи – в интернатах, детских домах – воспитывалось 3%. Стоит отметить, что удельный вес имущественных преступников, воспитывающихся в неполных семьях, на протяжении последних двадцати лет менялся как в сторону снижения (с 26,6 до 37,6%), так и в сторону увеличения (с 40 до 46,2%) [2. С. 71–72]. Однако эти изменения не были столь существенными, и в целом можно говорить об относительной стабильности (при высоком уровне) этого показателя. Отмеченная закономерность еще раз подтверждает, что на формирование личности имущественного преступника влияет в большей степени не отсутствие родителя, а семейные межличностные отношения, которые сложились между членами семьи. Ретроспективный обзор и сравнительный анализ данных о семьях имущественных преступников показали, что не потеряли своей актуальности такие семейные проблемы, как отсутствие взаимопонимания между детьми и родителями, аморальное поведение родителей.

Исследование показало, что преобладающая часть несовершеннолетних (более двух третей) не находила общего языка с родителями (лицами, их замещающими). Основными причинами семейных конфликтов были «финансовый вопрос» (каждая вторая девушка и каждый четвертый юноша считали, что родители дают мало денег на карманные расходы); «вечная занятость» родителей, которые, как показало исследование, в основном работали (77%), причем более половины из них (почти 61%) на двух работах, совмещение которых полностью занимало их свободное время. В числе положительных изменений в семейном укладе имущественных преступников можно отметить значительное снижение семей с объективно «криминогенной обстановкой»: только у 4% несовершеннолетних были судимы кто-либо из родителей, у 7% – из близких родственников (в конце 1980-х гг. этот процент достигал 6 и 13% соответственно); только у 5% имущественных преступников оба родителя злоупотребляли спиртными напитками, у 10% – только один из родителей (в исследованиях более раннего периода этот процент доходил до 7 и 17,2% соответственно) [Там же. С. 73].

Перед совершением преступления 5% несовершеннолетних работали, учились – 91,5%, не работали и не учились – 3,5%. Несовершеннолетние, которые на момент совершения преступления работали, были преимущественно осуждены за совершение краж (65%), учащиеся – за совершение краж (49%), грабежей (22%), вымогательство (11%); неработающие и неучащиеся – за совершение краж (32%) и разбоев (55%). Нельзя не отметить, что доля неработающих и неучащихся среди имущественных преступников намного меньше доли этой же категории лиц среди насильственных преступ-

ников (в числе последних не работало и не училось 36,4%) [4. С. 86]. Более того, она почти в пять раз ниже (15%), чем у несовершеннолетних, осужденных за совершение аналогичных имущественных преступлений в более ранний период исследований (1980–1990-е гг.). [2. С. 69]. Вместе с тем категория неработающих и неучащихся имущественных преступников продолжает оставаться наиболее криминогенной. Об этом свидетельствуют и данные криминологических исследований прошлых лет [Там же. С. 70], и непосредственно сам характер совершенных преступлений – значительная часть всех разбоев, насильственных грабежей и вымогательств была совершена именно этой категорией несовершеннолетних.

Работающие несовершеннолетние были заняты в основном неквалифицированным трудом. Работа носила временный, чаще сезонный характер, мало оплачивалась. Имущественные преступники работали официантами в кафе, автомойщиками, разносили газеты, расклеивали листовки и т.п. Надо сказать, что у несовершеннолетних потребность в труде как активной деятельности, направленной на создание материальных и духовных благ, не была до конца сформирована; ведущим мотивом трудовой деятельности было желание «заработать», «иметь свои деньги». Примечательно, что подобное «потребительское» отношение к труду было весьма характерно и ранее для несовершеннолетних, совершающих имущественные преступления [Там же. С. 76–77].

Среди учащихся несовершеннолетних преступников преобладали школьники – 57%; учащихся профессиональных училищ насчитывалось 19,4%, техникумов – 23,6%. Почти 72% современных имущественных преступников имели образование в объеме 10–11 классов; 16% изучили образовательную программу в объеме 8–9 классов; 12% несовершеннолетних имели образование от 1 до 8 классов средней школы. Полученные данные опровергают распространенное в криминологической литературе положение об относительно низком образовательном уровне несовершеннолетних правонарушителей. Изучение уголовных дел показало, что у большинства учащихся несовершеннолетних (54,8%) отсутствовал интерес к учебе; 8,5% несовершеннолетних учились по необходимости (родители заставляли); без особого интереса и желания занятия посещали 11,9%; только каждый четвертый учился с интересом (24,8%).

Подобным отношением к учебе обусловлена и успеваемость несовершеннолетних. 70% имущественных преступников учились средне и чуть ниже среднего (удовлетворительно), 18,4% – хорошо, отлично – 1,4%, неудовлетворительно – 10,2%. Каждый третий учащийся школ и каждый второй учащийся профессиональных училищ и техникумов пропускали учебные занятия без уважительных причин, нарушали правила поведения, установленные в учебном заведении. Вместе с тем необходимо отметить, что образовательный уровень имущественных преступников в настоящее время вырос по сравнению с образовательным уровнем подростков в 1990-е гг. Исследования тех лет показали, что у 80% имущественных преступников отмечалась низкая успеваемость и для 62% учащихся были характерны частые пропуски занятий [Там же. С. 75].

Досуг большинства имущественных преступников (77,5%) носил в основном «нетрудовой», развлекательный характер. Полученные данные о проведении свободного времени коррелируют с данными криминологических исследований прошлых лет. В основном свободное время несовершеннолетние проводили с друзьями на улице, смотрели кинофильмы (в основном зарубежного производства), ходили на дискотеки. Вместе с тем нельзя не отметить, что заметная часть современных несовершеннолетних стремилась к тому, чтобы хоть как-то разнообразить свой досуг. До совершения преступления почти каждый десятый посещал учреждения дополнительного образования: спортивные секции, кружки туризма и краеведения; каждый восьмой участвовал в детских и юношеских творческих коллективах учреждений культуры и искусства (музыкальных, художественных школ, школ искусств).

Исследование показало, что при заполнении свободного времени 47% несовершеннолетних отдавали предпочтение такой «негативной» форме досуга, как совместное распитие спиртных напитков в кругу друзей во дворе, на дискотеках. Стоит отметить, что произошло незначительное снижение доли несовершеннолетних преступников, которые испытывали потребность в алкогольных напитках и подобных формах досуга. Для сравнения: в 1990-е гг. 67% несовершеннолетних из числа осужденных за совершение имущественных преступлений испытывали потребность в спиртном [2. С. 78]. Вместе с тем исследование показало наличие не распространенного ранее негативного пристрастия несовершеннолетних к наркотикам. До совершения преступления каждый восьмой подросток хотя бы раз употреблял наркотические средства. Наибольший удельный вес среди подростков, употребляющих алкогольные напитки до совершения преступления, составили лица, осужденные за кражи (45%), среди употребляющих наркотики – лица, осужденные за разбой (33%) и вымогательство (24%).

Исследование показало, что главными ценностями в жизни несовершеннолетние имущественные преступники считали личное благополучие, материально обеспеченную жизнь (33%), хорошо оплачиваемую интересную работу (8%), общественное признание, авторитет и уважение (29%), отдых и развлечения (18%), счастливую семейную жизнь (12%). Более половины (62%) полагало, что противоправный способ удовлетворения желаемого является на современном этапе единственно возможным: «сейчас все так живут». В силу этого основной мотивировкой при совершении имущественных преступлений явилась следующая формулировка: «нужны были деньги». Если ранее подобная формулировка при совершении имущественных преступлений отмечалась в 5% случаев [Там же. С. 80], то сейчас – в 65% случаев.

До совершения преступления более половины изученных несовершеннолетних состояло на профилактическом учете в органах внутренних дел (57,1%), причем каждый второй подросток был поставлен на учет в возрасте 9–11 лет, около 15% – в возрасте 12–13 лет, каждый третий – в возрасте 14 лет, остальные – позже. Налицо явное омоложение возраста «первого знакомства» с правоохранительными органами: в 1990-е гг. на

профилактический учет преимущественно ставились лица в возрасте 11–13 лет [2. С. 74]. Исследование показало, что основаниями для постановки на учет в 28% случаев являлось употребление спиртных напитков, в 11% случаев – употребление наркотических средств, в 14% – нахождение в общественных местах в ночное время без сопровождения взрослых, в 18% – систематические уходы из дома, в 21% – совершение правонарушений, повлекших применение мер административного воздействия, в 8% – совершение общественно опасных деяний в возрасте, не влекущем наступления уголовной ответственности.

Пятая часть изученных несовершеннолетних имущественных преступников ранее была судима, в основном за имущественные преступления (кражу, грабеж, разбой). Такие лица составили 82% от общего числа всех ранее судимых. Среди ранее судимых несовершеннолетних преобладали лица, относящиеся к старшей возрастной группе (16–17 лет). Следует заметить, что эти несовершеннолетние жили и воспитывались в семьях, где имелся негативный пример противоправного поведения. Почти у половины несовершеннолетних имущественных рецидивистов ранее были судимы родственники, как правило, за совершение имущественных преступлений. Каждый пятый несовершеннолетний рецидивист совершил новое имущественное преступление в период отбывания наказания за предшествующее преступление.

Анализ уголовных дел показал, что имущественные преступления совершались несовершеннолетними в основном в составе группы. Удельный вес групповых имущественных преступлений составил 65%. Полученные данные аналогичны результатам исследований прошлых лет [2. С. 38; 5. С. 20–21]. Наибольший удельный вес несовершеннолетних, совершивших имущественные преступления группой лиц, наблюдался при совершении разбоев (89%), грабежей (77%), немногим меньше при совершении краж (71%) и вымогательств (67%). Эти показатели во многом тождественны показателям аналогичных исследований 1990-х гг., согласно которым в составе групп подростками было совершено 81,1% всех краж государственного или общественного имущества и около 75,5% краж личного имущества, 87,1% грабежей, 87,9% разбоев [2. С. 38].

Каждое пятое имущественное преступление было совершено группой лиц с участием взрослого, причем эти лица были не намного старше несовершеннолетних преступников; в основном их возраст колебался от 18 лет до 21 года. В преступных группах несовершеннолетних преобладали лица одного пола. Удельный вес таких групп составил 90%, причем на долю мужских приходилось 77,5%, женских – 12,5%. Каждая десятая группа была смешанной. По численному составу группы были немногочисленны. Более половины групп (64%) насчитывали в своем составе два человека, из трех человек состояли 35% групп, свыше трех человек – 11%.

Групповой способ совершения преступления во многом определил и мотивацию преступления. Как отметил Л.М. Прокументов, «подавляющее число несовершеннолетних (почти 89%) совершали преступления по мотивам, связанным с их принадлежностью к конкретной группе» [6. С. 40]. Изучение мотивов имуще-

ственных преступлений несовершеннолетних показало, что преобладающими (68%) были мотивы, тождественные мотивам преступлений, совершаемых взрослыми преступниками. Эти мотивы были связаны с системой «негативных», асоциальных потребностей несовершеннолетних (желание иметь деньги на покупку спиртного, наркотиков и т.п.). Вторая группа мотивов была связана с возрастными особенностями несовершеннолетних. Преступления совершались по «мотиву роста», который проявился, с одной стороны, в стремлении доказать личную значимость, авторитетность, доминирование в группе, с другой – «быть как все».

Исследование показало, что в первой группе мотивов доминировал мотив, представляющий собой побуждение к совершению имущественного преступления для удовлетворения личных материальных потребностей и интересов (нередко асоциальных) за счет других лиц. Однако этот мотив был связан не со стремлением к накопительству, стяжательству как к таковым, он имел утилитарный характер. В основе преступлений лежали «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» – 38%; удовлетворить «потребность в спиртном, в наркотиках» – 33%; «стремление выглядеть не хуже других, доказать свою значимость» – 25%; «стремление устранить действительную материальную необеспеченность» – 4%.

В заключение следует отметить, что среди несовершеннолетних имущественных преступников

25% составили «случайные» преступники, среди которых 14-летних было 37%, 15-летних – 22%, 16-летних – 28%, 17-летних – 13%. «Случайные» преступники отличались спонтанностью избрания преступного способа удовлетворения потребностей. Преступления они совершали в основном в результате неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств, вследствие проявленного ими легкомыслия, неумения сопротивляться воздействию негативной ситуации.

41% составили «неустойчивые» преступники – несовершеннолетние, у которых сформировались отдельные элементы негативной направленности личности, но совершившие преступления под воздействием сложившейся жизненной ситуации. Такие преступники совершили преступления, как правило, в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, чаще в группе (62%), чем в одиночку (38%). Среди несовершеннолетних с элементами антисоциальной направленности личности 14-летних оказалось 38%, 15-летние составили 29%, 16-летние – 21% и 17-летние – 12%.

На долю «злых» несовершеннолетних имущественных преступников пришлось 34%. Имея установку на удовлетворение своих материальных потребностей неправомерным способом, они неоднократно совершали имущественные правонарушения и преступления. Среди «злых» преступников 15-летние составили 26%, 16-летние – 35%, 17-летние – 39%.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Личность преступника*. М., 1975. 272 с.
2. *Елисеев С.А., Прокументов Л.М.* Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск, 1991. 122 с.
3. *Криминология* : учеб. для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2002. 848 с.
4. *Писаревская Е.А.* Насильственная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 254 с.
5. *Прокументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993. 144 с.
6. *Прокументов Л.М.* Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 106 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 января 2012 г.